

Неотразимая Элеонора

Не верится, что ее нет... Она не ушла. Живет в нас, читает стихи. Бесконечно читает, не останавливаясь. Нонна Бяльская, по мужу – Денисова Элеонора.

Запомнилось первое появление Элеоноры Ильиничны в редакции журнала «Мономах». В чем-то розовом, в соломенной шляпке, с шифоновым, струящимся по шее шарфом вошла Женщина. Мечта. Любовь. Счастье. Да, она несла в себе образ счастья. Было очень уютно сидеть рядом с ней и слушать стихи. Элеонора закидывала голову назад, прикрывала глаза длинными ресницами и уходила в ирреальность. И все, кто находился рядом, следовали за ней.

Она была похожа на тургеневских героинь. С отличием окончила Московский педагогический институт. Вернулась в родной город и стала первым диктором Ульяновского телевидения. Ее ровесницы рассказывали: когда Нонна Бяльская появилась на телеэкранах, все девушки начали сооружать на голове «бабетту» и рисовать черным карандашом на щеках ямочки, как у красавицы телеведущей.

Потом она защитила кандидатскую диссертацию и преподавала русскую литературу в Ульяновском пединституте. Нонна превратилась в Элеонору Ильиничну – кумира нескольких поколений студентов филфака. В 2011 году в серии Г. Демочкина «Антология жизни» вышла книга рассказов Элеоноры Денисовой «Шарик улетел». Включить в книгу эссе «На свете счастье есть» она не решилась. Так пусть же снова прозвучит голос Элеоноры Денисовой.

Ольга Шейпак

На свете счастье есть

СчаСТЬе... В самом звучании слова есть нечто неуловимо напоминающее птиц: звуки, похожие на их щебет и клекот; ощущение легкости, полетности, близости неба. Не случайно существует устойчивое выражение – птица счастья. И как птица стремится к небу, так и человек стремится к счастью.

Счастье – это и ожидание, предчувствие его, и путь к нему, и способность чувствовать и вмещать в себя красоту природы и привычного бытового окружения, и краткий миг забвения, ухода от мира обыденности. Примеры можно множить без конца, но трудно привести к общему знаменателю.

Как к высшему авторитету обращаюсь к Пушкину. С одной стороны, всем известны строки: «На свете счастья нет, // Но есть покой и воля». Состояние духовной свободы, возможность жить по своей воле, восхищаться красотой природы и искусства – это ли не счастье? Но в конце романа «Евгений Онегин» герой (во многом близкий автору), обладающий духовной свободой, имеющий возможность по своей воле «скитаться здесь и там», никому и ни в чем не давая отчета, чувствует себя глубоко несчастным. Ему не хватает любви. Да и вся лирика Пушкина говорит о любви как о высшей ценности жизни.

Таким образом, понятие «сча-

стье» включает в себя три составляющих: покой, воля и любовь. Для разных людей наиболее важной частью этого триединства являются разные его аспекты. Для большинства, как мне кажется, – любовь. Во всяком случае, почти все согласны, что счастье невозможно без любви.

Боюсь, что общие рассуждения могут привести меня к тупику или банальности. Обращусь лучше к опыту собственной долгой жизни и попробую что-то извлечь из него.

Полного любовного счастья мне испытать не пришлось. Когда душа окрылялась и пела, я страшилась запятнать белизну крыльев, спустившись на землю. А мгновение, когда любовная страсть сметала волю и разум, не оставило в душе светлого воспоминания. Умом знаю: было, но сердце молчит, не помнит. Поистине, «О память сердца! Ты сильнее рассудка памяти печальной»...

А порой мешали препятствия, которые казались непреодолимыми.

• Детство Нонны

Наверное, дело в том, что я человек слишком книжный, более укорененный в мире грез и стихов, чем в реальной обывденной жизни.

Что же оставила мне любовная память? Через всю жизнь пронесла я воспоминание юности, которое и сегодня, в глубокой старости, так живо и ярко отпечатано в моей душе.

Я иду, не думая куда, рядом с человеком, который мне близок и дорог, и знаю, что мы чувствуем одно и то же. Мы молоды, веселы, беспечны. Мы просто идем, ни о чем не сговариваясь заранее, держимся за руки и смотрим на небо. А по небу плывут причудливой формы облака, мы составляем из их очертаний картины радостной и свободной жизни. Незаметно доходим до леса. Уже стемнело. Разжигаем костер и долго смотрим на языки пламени и плывущий куда-то дым, из которого выплывают «видений пестрых вереницы». Изредка бросаем друг другу:

– Так плещет на багряном маке Крылом лазурным мотылек...

– И нам, как дым, струиться надо Седым туманом – в алый круг.

А потом ищем в небе рисунки знакомых созвездий и читаем стихи. Мы не говорим о любви, не бросаемся в объятия друг другу, но чувствуем удивительную близость и умиротворенность. «Стихи и звезды остаются, А остальное все равно...» Наверное, это и было любовью, но не могло стать счастьем, получившим благословение небес.

Светлана Кекова говорила, что в любви должны присутствовать трое: он, она и Бог. Не знаю, был ли Бог тогда с нами, но понимаю, что у этого счастливого мгновения не могло быть будущего. А может быть, счастье – это всегда мгновение?

Правда, бывает еще и счастливая доля. Как в древности члены племени получали каждый свою долю от варящегося в общем котле мамонта, так и по сегодняшней день у каждого – своя доля или судьба.

Если посмотреть на мою жизнь с этой точки зрения, то, хотя она и подходила не раз к последней черте, можно назвать ее счастливой. Прежде всего потому, что меня всегда окружали только хорошие люди. Ни разу никто меня не предал, не обидел так, чтобы осталась зарубка на сердце и в памяти; никто не остался в стороне, когда я нуждалась в помощи. Исходя только из собственного опыта, я могла бы повторить вслед за Булгаков-

ским Иешуа, что на свете нет злых людей. Знаю, что есть, но на моем пути они, слава Богу, не встречались. А вот добрых и хороших было много, и если кто-то из них уходил из моей жизни, то переселяясь или в другую страну, или в мир иной. Горечь утраты смягчало появление новых друзей (даже в период полной исключенности из социального потока), которые становились такими же близкими и родными, как ушедшие. И я постоянно чувствовала, что кому-то нужна, даже будучи беспомощной. «Друзья мои, прекрасен наш союз!» – могу сказать я с радостью и на исходе лет.

Мне ближе представление о счастье как о счастливом мгновении наивысшего подъема, эмоционального взлета, приобщения к вечному и всеобщему, и в то же время – как о мгновении покоя и тишины. На дне моей души тихо дремлет счастливое воспоминание, и я удивляюсь, «из какого сора» оно могло возникнуть.

После обширного инфаркта и долгого лечения в областной больнице я проходила реабилитацию в больнице в Солдатской Ташле. Вокруг был небольшой парк. В феврале, во время моего пребывания там, он был весь занесен снегом такой белизны, чистоты и пушистости, какую я видела только на картине Кустодиева, где изображена старая Москва зимой и веселое масленичное катание на санках.

Я уже могла выходить на прогулку. Однажды в солнечный и тихий день с легким морозцем я, сидя на лавочке, обратила внимание на большую сосульку, свисающую с крыши. Подтаявшая на солнце, она переливалась всеми цветами радуги, а с нее медленно и мерно капали просвеченные насквозь крупные капли, похо-

жие на отшлифованные горошинки алмазов.

Вокруг было безлюдно и тихо, как не бывает в городе. Чистый морозный воздух наполнял грудь блаженством, уносил боль и тяжесть. Ничего больше не надо было – только молча сидеть, следя, как падают алмазные капли, ни о чем не думать, только слушать тишину и наполняться покоем. Наверное, нечто похожее есть в состоянии нирваны.

Эпизодов, когда хотелось бы сказать: «Остановись, мгновенье: ты прекрасно!» – вспоминается немало. Ярko вижу такую картину: в белом багистовом платье с крылышками вместо рукавов, с цветущей вишневой веткой в волосах, тоненькая и юная, я бегу по тропинке Старого Венца, а передо мной – синева Волги, яркая зелень заливных лугов, белая кипень цветущей на склонах реки вишни. И все мы – вместе, и все – прекрасно. И хочется сказать, как Катерина: «Почему люди не летают?»

Другая картина того же времени. Ночью я сижу высоко в ветвях большого дерева, растущего на склоне Волги возле моего дома. Полная луна не дала мне заснуть, выманила из постели, и я вышла в летнюю ночь, томимая сладким предчувствием где-то ждущего меня счастья. Смотрю на лунную дорожку, соединяющую берега Волги, Млечный путь над головой, вспоминаю любимые стихи. Мечты и грезы. «И кажется, что-то должно появиться, // Как в сумрачной драме развязка: // Печальная девушка, белая птица // Иль странная, нежная сказка». Все это – юность, прекрасная сама по себе.

А вот эпизод из другого времени, на пороге старости. Я иду на встречу с младшим внуком, чтобы вместе отправиться на воскресную прогулку. Он живет в одном из старых домов, выходящих на общий огороженный дворик с качелями и песочницей, где безнадзорно могут гулять и играть малыши. К сожалению, в соседних домах живут девочки года на два постарше. Он – дошкольник, они – уже ученицы, маленького мальчика не считают достойным своего внимания. Он скучает и грустит. Я решила подружить их. Договорившись с родителями, стала приглашать и девочек на воскресные наши прогулки в Винновскую рощу или на Венец. Там они вместе катались на аттракционах, потом мы садились за столик в открытом кафе. Я угощала их мороженым и

лимонадом, что-то рассказывала интересное для них. Получалась веселая и довольная жизнью компания, в которой я компенсировала недостаток лет моего внука. Потом он мог и во дворе чувствовать себя полноценным членом коллектива.

И вот я иду к назначенному часу, а у ворот меня уже ждут внук и его подружки. Издали увидев меня, они, раскинув руки, наперегонки бегут навстречу, все трое радостно обнимают, соревнуются за право взять меня за руку, а одна из девочек с радостной гордостью дарит мне найденное где-то медное колечко.

Солнце светит, дети весело щебечут, и все мы любим друг друга, и все в этот момент счастливы.

Были счастливые минуты и полной близости с сыном, когда он был ребенком, подростком, юношей. Не сетую, что они прошли, но благодарю судьбу, что были.

Особняком стоит случай необычный и неожиданный. Меня пригласили по линии общества «Знание» прочитать лекцию в рабочем общежитии. Придя туда, я узнала, что это общежитие для условно освобожденных заключенных – с надзирателями, воспитателями, строгим режимом, военной комендатурой.

Заключенных загнали в большой зал, они недовольно шумели, ругались матом, воспитатель кричал на них и грозил наказанием. А у меня вдруг возникло страстное желание переломить их настроение, настроить на высокую волну. Откуда-то взялась уверенность, что я это смогу.

Я попросила воспитателя уйти, а им сказала: «Ребята, я прошу вас пять минут посидеть молча. Если вам станет скучно, то через пять минут кричите, делайте что угодно, а я молча уйду». Их заинтересовало мое предложение, а я начала лекцию (тема заранее не была обозначена) о любви в русской классической поэзии. Почему выбрала эту тему, казалось бы, самую не подходящую для такой аудитории? Сама не знаю. Действовала по наитию.

Никогда в жизни не говорила я с таким вдохновением, страстью, так легко и уверенно. Как герой стихотворения Лермонтова «Пророк» верил, что «Бог гласит его устами», так и я. Во всяком случае, мне казалось, что слова идут откуда-то свыше, а я лишь инструмент, извлекающий их.

Ребята притихли, слушали, не отводя глаз и не произнося ни звука.

Порой в распахнувшейся двери появлялся кто-то из сотоварищей и так и оставался до конца молча стоять в дверях. А я смотрела, как меняются слушатели: сквозь маску грубости, цинизма, вседозволенности проступают черты одухотворенных человеческих лиц. А в конце кто-то сказал мечтательно: «Приходите, пожалуйста, еще. Мы будем Вас ждать, купим торт, будем с Вами пить чай и говорить о чем-нибудь хорошем». Наверное, это был один из самых счастливых моментов моей жизни. Я чувствовала себя чуть ли не Пигмалионом, способным оживить камень.

Еще одна грань в ощущении счастья связана с искусством. Особенно остро я поняла, какое счастье может оно принести, на склоне лет, когда болезнь и слабость ограничили мою жизнь пределами собственной квартиры. Какое счастье в моем монотонном существовании доставляет открытие нового талантливой поэта, писателя. В середине 1990-х годов у нас вышло достаточно полное издание стихотворений Георгия Иванова (прежде они были недоступны, и я мало что знала). С каким восторгом я читала и учила наизусть его стихи! Они не только наполняли блаженством мою душу, но и лечили тело: из унылой, бесполезной развалины я превращалась в живого, ярко чувствующего человека. Таким же счастьем стало для меня и открытие поэтического мира Светланы Кековой, Дины Рубиной... «Порой опять гармонией упьюсь, // Над вымыслом слезами обольюсь»...

Я начала рассуждения о счастье, отталкиваясь от фонетическо-

го звучания слова, а закончить хочу обращением к его грамматической основе. С-часть-е. Часть – корень, несущий смысл. Часть предполагает наличие целого. Приставка «с» имеет значение присоединения, единства (со-ратник, со-юз). И одно из необходимых условий счастья – это ощущение себя неотъемлемой частью целого, чего-то большего, чем ты сам: общества, семьи, любовного единства, природы.

К каким же выводам я пришла, исходя из опыта своей жизни? Мгновения счастья я испытала: в момент бурного эмоционального всплеска, связанного с состоянием влюбленности или полной растворенности в красоте природы, когда душа окрылялась и рвалась, как птица, взлететь к небу; в минуты душевного подъема, когда я ощущала радость связи с другими людьми, свою нужность им; в часы полного покоя и тишины, когда время как будто остановилось; когда целиком погружалась в поэтический мир, и он становился моей реальностью.

Не случайно говорят, что у счастья нет настоящего времени, а есть лишь прошедшее и будущее. Когда нам удастся поймать Синюю птицу счастья, она становится серой, покрывается пылью буден. А острое, всепоглощающее ощущение счастья возможно, думается мне, как мгновение.

И наконец. Я поняла, что не могу дать ответ на слишком глобальный вопрос: «Что значит счастье?» Но с уверенностью могу ответить на другой: «Когда был(а) счастлив ты?»

А когда были счастливы вы?

фото Ольги Черновой